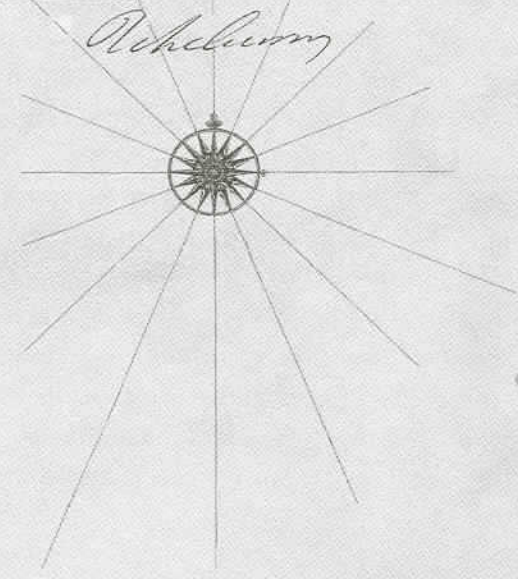
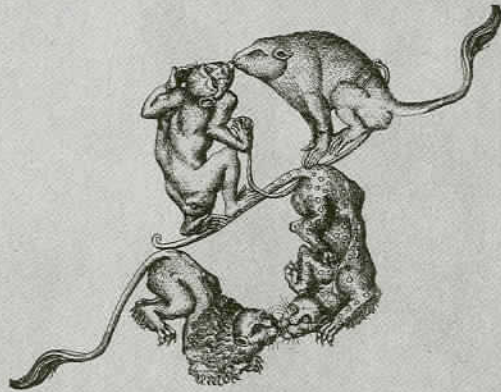

редисловие

ного лет тайные общества были предметом, привлекавшим мое внимание, и я давно намеревался собрать в единое целое все сведения, которые можно было почерпнуть из многочисленных, часто отдаленных, а порою совсем недоступных источников, о любопытнейшей стороне истории человечества — тех тайных учреждениях, религиозных, политических и общественных, которые существовали с самых древних веков и до нашего времени. Однако я не привел еще в порядок и не разработал добытых материалов, когда в обозрении Athenaeum'a (№ 2196) нашел ссылку на Il Mondo Segreto сеньора де Кастро, с которым позднее имел удовольствие встретиться в Милане. Я выписал книгу и сначала думал перевести ее; но по мере того, как подвигалась моя работа, хотя я и начал ее в качестве переводчика, она принимала характер все более и более самостоятельный. Многие я нашел нужным опустить из оригинального произведения, проникнутого известным политическим направлением и почти всегда слишком снисходительного к разным итальянским политическим партиям, которые часто не лучше разбойничьих шаяк. Многие следовало прибавить из источников, преимущественно английских и немецких, не известных итальянскому писателю. Многие надо было привести на других основаниях и показать в ином свете. Наконец, читателя следовало познакомить с обществами, не упомянутыми сеньором де Кастро, как, например, Гардуна, шоффёры, фениш, интернационалисты, о-ки-па, ку-клуцк-клан, инквизиция, ваххабиты; так что с этими прибавлениями и дополнениями итальянского оригинала, нередко составляющими целые новые главы, труд, теперь представляемый английской публике, хотя и сохраняет в основной форме многое из своего иностранного источника, однако может заявлять право на то, чтобы его считали оригинальным произведением; более того, произведением, заключающим в себе самый ясный отчет о тайных обществах, известных в Англии, Франции, Германии или Италии. Все, что написано по этому предмету в этих четырех передовых странах Европы, было просмотрено и использовано мною. На английском языке нет ничего, что могло бы соперничать с этим.

Читатель может быть уверен, что почти все в нем изложенное основано на многочисленных и веских свидетельствах авторитетных специалистов, хотя относительно обществ, само существование которых зависело от сохранения тайны и которые поэтому ввиду осторожности оставляли за собой как можно меньше письменных доказательств, старинная поговорка имеет особенное значение:

*What is hits is history,
And what is mist is mystery.
(Что в цель попало, то история,
А где туман, там тайна.)*

Наконец, имея и то в виду, что объем настоящего издания требовал сжатого изложения фактов — при громадной обширности предмета, — я вводил в описание только такие пояснения и замечания, которые оказывались неизбежны для уяснения темных мест или пополнения недостающих исторических звеньев.

С первого взгляда может показаться, что некоторые общества неправильно включены в это издание как «тайные» общества, например масоны. Члены тайных обществ не имеют обыкновения заявлять это всему свету, могут нам возразить, однако ни один масон не сочтет стыдом и не побоится назвать себя масоном; напротив, он этим гордится и готов трубить о том всем и каждому, а самый неистовый кельт, жаждущий содействовать возрождению родной земли и вступивший для того в братство фениев, имеет достаточно ума, чтобы содержать это в глубочайшей тайне от непосвященных. Я придерживался такого правила: включал в свое собрание «тайных» обществ все те, которые имели или имеют «тайные правила и обряды», скрытые от света, хотя существование самого общества — вовсе не тайна. В сущности, нет союза между людьми, который не обнаружился бы со временем. При всем желании членов союза скрываться во мраке и не быть лично известными, цель их соединения должна обнаружиться какими-нибудь явными действиями; где есть действие, там предполагается деятель, и если нет видимого, то подозревают тайного. Вот, например, тути так сильно желали остаться неизвестными, однако существование подобного об-

щества подозревали задолго до того, как был открыт кто-либо из его членов. Алхимики и мистики также нашли свое место в настоящем издании в силу того, что распространяли тайное учение или учение свое облакали в слова, понятные одним последователям; так же точно и инквизиция хотя являлась государственным судебным учреждением, однако имела своих тайных агентов и тайное делопроизводство, поэтому справедливо должна быть включена в категорию тайных обществ.

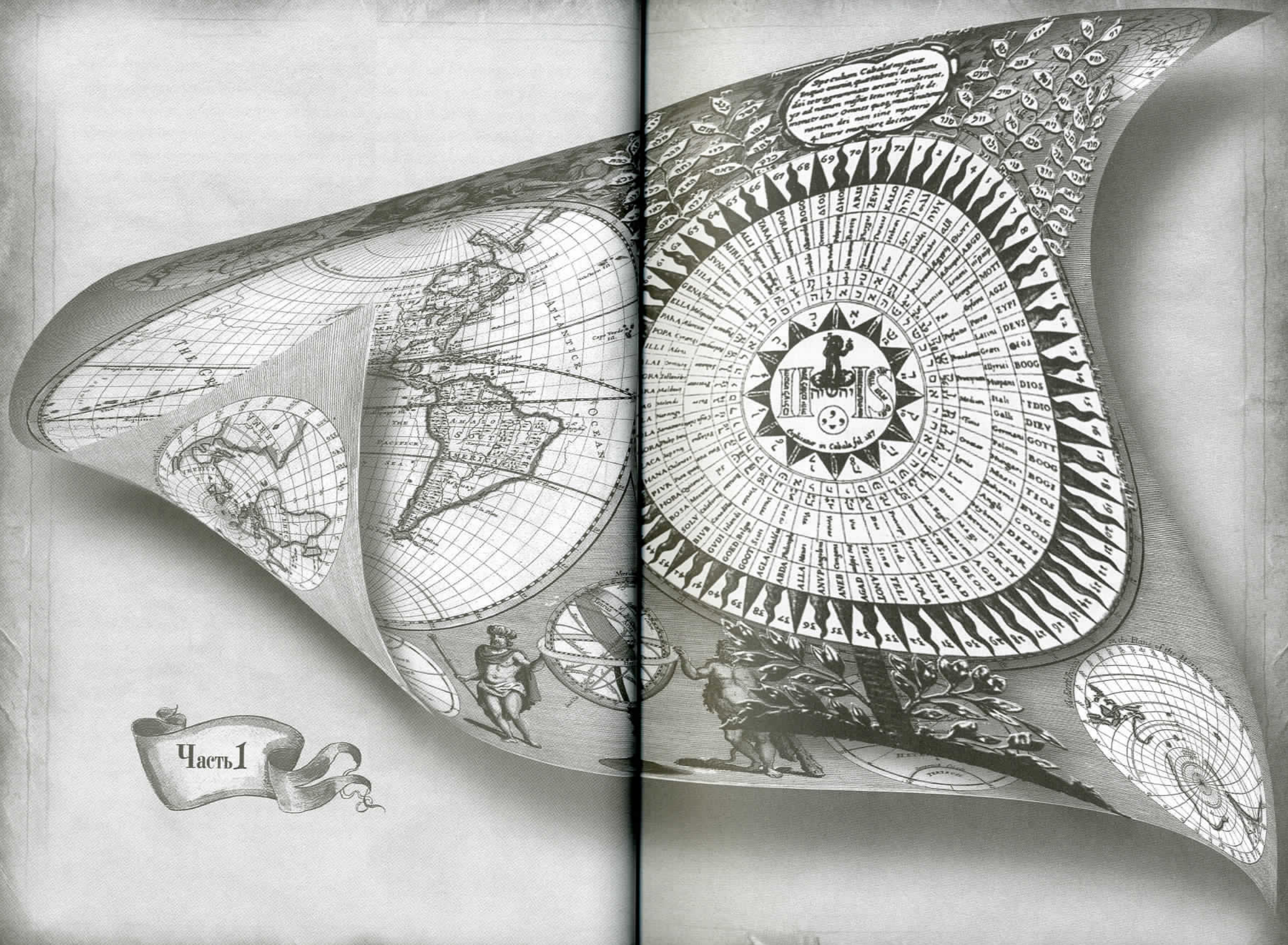
Тайные общества, религиозные и политические, опять стали возникать со всех сторон. Религиозные общества могут быть обойдены молчанием, так как вообще не имеют значения, по отсутствию новизны; но к обществам с политической целью нельзя отнестись с пренебрежением на основании их ничтожества. Интернационалы, фениы, коммунисты, нигилисты, ваххабиты тайно стремятся к ниспровержению настоящего порядка вещей. Убийства англичан, совершенные индийцами, указывают на козни тайных обществ в английских владениях в Индии. Незадолго до большого возмущения индийцев корреспондент одной английской газеты упоминал с пренебрежением о религиозном обряде, замеченном во всей английской Индии, который состоял в том, что какие-то маленькие хлебы

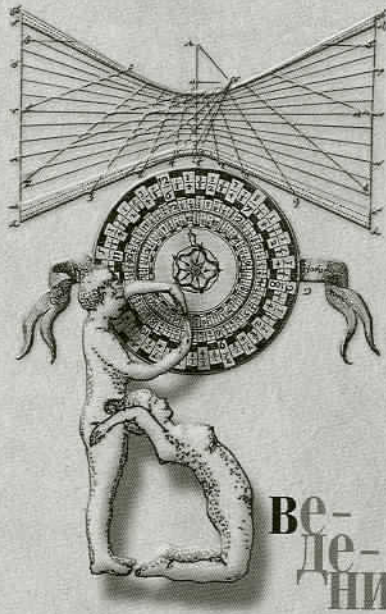
носили из деревни в деревню; впоследствии же выясно, что этим обрядом призывали народ готовиться к всеобщему восстанию; итак, за действиями туземцев надо строго наблюдать.

Полбрь,
1874

Часть 1

*Распря же,
ея же не ведях, изследих.*
Иов., XXIX: 16

*Ignis ubique
latet, naturam amplectitur omnem;
Cuncta parit, re no vat,
dividit, urit, alit.*
(Огонь скрыт везде, обнимает всю
природу; он все рождает, возобновляет
разделяет, сжигает
и питает.)

МЫСЛ И СВОЙСТВО ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ.

Для истинных мыслителей, которым история представляется рядом удивительных целей, нет ничего случайного в жизни мира. Для них возникновение и действие тайных обществ не странные и необъяснимые явления, не временная форма, не скоротечное и неожиданное действие, но вполне ясный и предвиденный результат известных причин.

Некогда тайные общества были так же необходимы, как открытые: дерево должно иметь корень. Возле владычества силы, идолов богатства, фетишей суеверия должно было во все века и во всех государствах существовать место, где кончалось владычество силы, где кумирам не поклонялись более, где фетиши были осмеяны. Таким местом оказывались кабинет философа, храм жреца, подземелье сектатора.

КЛАССИФИКАЦИЯ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ. Тайные общества могут быть распределены на следующие отделы: 1) религиозные, как, например, египетские или элевсинские таинства; 2) военные: тамплиеры; 3) судебные: фемы или вемы; 4) ученые: алхимики; 5) гражданские: франкмасоны; 6) политические: карбонарии.

Но черта разграничения не всегда точно определена; некоторые общества соединяли с научными целями богословские догматы, как, например, розенкрейцеры; и политические общества имеют неминуемое влияние на гражданскую жизнь. Поэтому удобнее будет разделить тайные общества на два отличительных отдела: религиозные и политические.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ОБЩЕСТВА. С самых древних времен вероисповедание имело свои тайные общества, то есть они возникли с того периода, когда истинные религиозные познания первых людей — состоявшие, надо заметить, из понятия о мироздании и Вечном Могуществе, которое произвело его, и законах, которыми оно поддерживалось, — мало-помалу стали утрачиваться в общей массе человеческого рода. Истинное знание главным образом сохранилось в древних мистериях, хотя они уже отделились на одну степень от первобытной, врожденной мудрости, представляя только тип вместо прототипа;

именно явления природы внешней, временной, вместо действительности природы внутренней и вечной, которой видимый мир есть одно внешнее проявление. Так как определение этого возвращенного теперь истинного знания необходимо для уразумения многого, что составляло учение древних религиозных обществ, то мы позднее войдем в большие подробности по этому предмету.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА. Политические тайные общества были благотворительными регуляторами и предохранительными клапанами для настоящего; для будущего — могущественными рычагами. Без них драма истории состояла бы из одного монолога деспотизма, который, сверх того, являлся бы без цели и не имел действия, когда не служил к упражнению воли человека, побуждая к противодействию, вызывая сопротивление.

Каждое тайное общество есть действие размышления, следовательно, совести. Накопившееся размышление, которое определилось, есть совесть. В таком смысле тайные общества в некоторой степени служат выражением совести в истории. В каждом человеке есть нечто принадлежащее ему, но как будто находящееся не в нем, а, так сказать, вне его. Это смутное нечто сильнее его; он не может ни возмущаться против его владычества, ни уклоняться или бежать от его преследования. Эта часть нашего существа неосызаема; ее не достигнет ни кинжал убийцы, ни секира палача; приманками ее не увлечешь, мольбами не смягчишь, угрозами не устроишь. Она то создает в нас двойственность, которую мы ощущаем в виде угрызения. Человек добродетельный, сознающий это, находится в мире с самим собою; то смутное Нечто не гнетет его и не терзает; так точно, как в физической природе силы, действующие в человеческом теле, нечувствительны, когда действуют согласно; если же он поступает дурно, то возмущается лучшая часть его существа. Тайные общества — выражение той же двойственности, проявляющейся в народах в большем размере; они то смутное Нечто в политике, которое действует на общественную совесть и вызывает угрызение, обнаруживающееся в виде «тайного общества», мстительного и очистительного угрызения. Согласно вечным законам, оно возрождает через смерть, а свет вызывает из мрака через огонь. Никто не видит света, каждый ощущает. Можно срав-

нить его с невидимой звездой, свет которой, однако, доходит до нас; с теплом из области, куда вовек не ступит нога человека, которое мы, однако, ощущаем и можем доказать посредством термометра.

Одно из самых явных чувств, порождающих тайные общества, — это мщение, но хорошая и мудрая месть, вовсе не сходная с личным злопмятством, неизвестным в вопросах общественных интересов; желание наказывать учреждения, не личности, поражать идеи, не людей — великая месть соединенными силами, наследство, передаваемое отцами детям, благочестивый завет любви, который освящает ненависть и расширяет пределы ответственности и нравственных правил человека. Есть законная, необходимая ненависть — ненависть ко злу, которая спасает народы. Горе тому народу, который не умеет ненавидеть, потому что зло — это нетерпимость, лицемерие, суеверие, рабство!

ЦЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ. Цель членов — воздвигнуть идеальный храм прогресса, оплодотворить в сердцах прозябающих или поработанных народов зародыши будущей свободы. Это достойное здание, правда, еще не dokonчено и, быть может, никогда завершено не будет, но попытка сама по себе придает тайным обществам некоторое нравственное величие, тогда как без этой цели борьба их низводится на степень мелкой, эгоистической войны партий. Она же объясняет существование тайных обществ, хотя едва ли оправдывает их. Если спросят мое искреннее мнение, то я не думаю, чтобы тайные общества когда-либо исполнили, что обещают. Любя справедливость, я не могу не одобрять теоретическое стремление к свободе и равенству; но, как существо мыслящее, сужу по опыту в прошлом и природе вещей, где добро и зло должны существовать вечно и вечно быть в борьбе, что подобное стремление также вечно должно оставаться без соответствующего практического результата. Свободе еще способствовать можно, и часто делали это — да и теперь ежедневно делают; но будь сегодня установлено всемирное, общественное и политическое равенство, едва ли оно продлилось бы до завтра. Неоспоримо, что, пока люди одарены не одинаково и страсти их не одинаковы, равенство между ними — одна мечта. Трудно бы и назвать страну, которая извлекала бы существенную и постоянную пользу из действий какого-либо тайного по-

литического общества. Надо заметить, что ни в одной из двух стран, пользующихся наибольшей свободой, политической и общественной, именно в Англии и Швейцарии, не бывало тайных обществ с народным или историческим значением. Правда, когда швейцарцы в 1308 г. свергли австрийское иго, тридцать человек заключили союз для освобождения отечества; но это были заговорщики, и даже их замыслы значительно изменились, вследствие поступков и смерти Геслера. И Телль убил его не потому, что он, Телль, был членом тайного общества и обязан убить его, а за то, что австрийский наместник сделал зло лично ему, грозя жизни его сына.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА. Самые древние тайные общества образовались не столько с политической, сколько с религиозной целью, включая всякое искусство и науку; потому религия справедливо была названа археологией человеческих знаний. Сравнительная мифология сводит все, по-видимому, противоречащие и противоположные верования к одному первобытному, основному, истинному понятию о природе и ее законах; все превращения, сопоставления и разговоры одного или более богов, передаваемые в священных книгах индусов, парсов и других народов, основаны на простых физических фактах, искаженных и ложно представленных с намерением или случайно. Истинное понимание природы было преимуществом наиболее высокоразвитого из всех человеческих племен, именно арийского племени, которое занимало высшую точку Азиатской возвышенности к северу от Гималайских гор. К югу от них лежала долина Кашмира, с ее вечною весною, дивным богатством растительности и общими чертами природы, всего более подходившей к изображению земного рая и блаженного местопребывания в высшей степени богато одаренных человеческих существ.

САМЫЙ СОВЕРШЕННЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ТИП. И богато одаренных именно потому, что в таком благодатном месте мог быть произведен только высший тип, так сказать, квинтэссенция той роскошной природы, с которой он составлял одно целое и потому был в состоянии постигнуть ее во всей ее полноте. Подобно тому как силы природы произвели растения и животных разных степеней развития и совершенства,

так они произвели и различные человеческие типы с разными степенями развития; самый совершенный тип, как уже сказано, арийский или кавказский, один имеет историю и один заслуживает нашего внимания, когда мы изучаем духовную историю человечества. Даже там, где кавказское племя приходит в соприкосновение и смешивается с черным племенем, как, например, в Индии и Египте, развитие высшее, историческое, начинается с белого человека.

ПРИЧИНЫ ВЫСОКОГО УМСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ. Я уже излагал, что климатические и другие внешние условия благоприятно действуют на степень развития. Это общеизвестная истина относительно растений, но и человек — растение, только одаренное сознанием и подвижностью, почему эта истина должна быть равно применима и к нему; опыт доказывает это на деле. Его органы, особенно мозг, достигают высшего совершенства; следовательно, он наиболее способен созерцать природу и постигать ее деятельность; из того следует, что он никогда не может быть варваром, погруженным в невежество, и с самого начала, вероятно, имел познания даже выше тех, которыми так гордится теперь. Варварство в белых племенах, как я доказывал это в другом месте¹, есть только последствие погибшего просвещения. В том же сочинении² я доказывал, чем могли быть эти познания и как они частью утратились, частью были искажены. Настоящее сочинение было бы неполно, если не включить в него хоть частицу моих объяснений, и потому я должен выписать из тех статей несколько доказательств, что некогда человек имел истинное понятие о природе и ее деятельности, что это именно причина, почему мистерии самых отдаленных народов имеют столько общего в догматах и обрядах, почему во всех придается большое значение известным идеям и образам и почему все одинаково печальны. Святость, приписываемая во все века и во всех странах числу «семь», не была еще с точностью объяснена ни одним известным писателем³; объяснение, которое я представлю, докажет, что сходство между собой религиозных и научных доктрин народов,

¹ Restangular Review, ч. I, с. 404.

² Там же, с. 446.

³ Исключая, разумеется, того, у кого я заимствовал мои сведения, — Якова Бёме, относительно которого см. дальше.